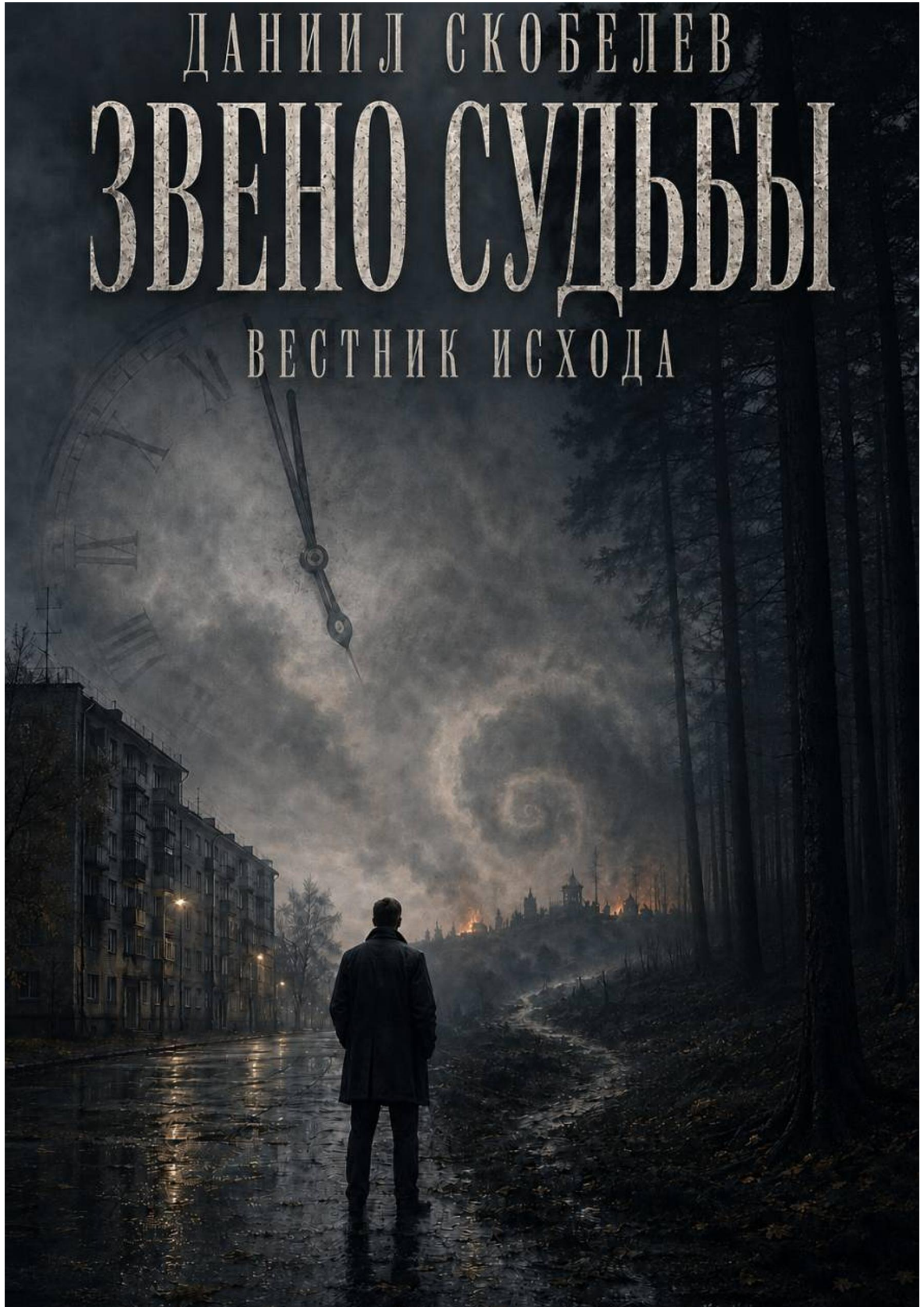

ДАНИИЛ СКОБЕЛЕВ

ЗВЕНО СУДЬБЫ

ВЕСТНИК ИСХОДА

Даниил Скобелев

Звено судьбы: Вестник исхода

«Автор»

2026

Скобелев Д.

Звено судьбы: Вестник исхода / Д. Скобелев — «Автор», 2026

Сентябрь 989 года. Отряд, посланный князем, пробирается к Черноборью с приказом сжечь дом языческого старейшины. Но один из его участников намерен превратить наказание в бойню. Случившееся той ночью положит начало истории, которой не хватит тысячи лет, чтобы закончиться. Ноябрь 1998-го. Старший следователь Андрей Воронов наконец закрывает дело серийного убийцы, расследование которого длилось девять лет и стоило жизни его коллегам. Уже на следующий день ему поручают проверить обстоятельства обычного на первый взгляд самоубийства. Однако предсмертная записка повторяет слова из его кошмара. Сопоставляя новую смерть со старым делом, Воронов обнаруживает пугающие совпадения и приходит к страшной догадке: пойманный убийца был лишь исполнителем. Возможно, вся цепь событий с самого начала была подстроена лишь затем, чтобы Андрей вернулся туда, где всё началось.

© Скобелев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Даниил Скобелев

Звено судьбы: Вестник исхода

Пролог

Сентябрь, 989 год.

— Мы не сбились с пути? — обеспокоенно спросил Рыжий. Тропы становились едва заметны, а лес темнел так густо, что тьма давила на глаза.

— Трусись? — усмехнулся Микула.

— Тише... — прошептал Гнат позади. — Леший не любит, когда тревожат его ночью.

Рыжий напрягся, стараясь слушать лес, но различал лишь привычные ночные звуки. Ветер шуршал в кронах, совы изредка отзывались в темноте, и лишь шаги, ломавшие сухую траву, нарушали мертвую тишину.

— Рыжий прав, — бросил Пахом, не оборачиваясь. — Свернём с тропы — Навьи утащат. Оставят гнить во тьме.

Он усмехнулся, зная, для кого звучат эти слова.

— Это не смешно, — сказал он. — Эти леса унесли немало жизней, и мы тоже...

Он не успел договорить. Пахом схватил его за грудь и силой швырнул в ствол. Листва над ними дрогнула.

— Заткнись, — процедил Пахом, вжимая его в кору. — В этих лесах давно никого нет. Духов выжгли христианские служители. Языческие боги нас бросили. Им всегда было срать на всё. Забудь о них. Иди туда, куда тебя ведут. Делай то, что тебе скажут. Ты меня понял? — Его лицо было так близко, что Гнат чувствовал его дыхание.

Кора впивалась в спину. Лес был слишком близко. От него некуда было деться. Ему было двенадцать, когда лес забрал его сестер. Маленьких девочек, ушедших за деревья и не вернувшихся домой. Отец говорил: лес забирает непослушных. Вскоре лес забрал и его.

Старейшина приютил Гната. Взамен он стал помогать по двору. Там он впервые услышал из уст проповедника. Говорил: лес не забирает сам. Забирают те, кому мало крови.

— Эй, вы чего? — Микула встал между ними. — Не сейчас. Нам ещё идти. Нужно успеть до рассвета.

Пахом молча отпустил Гната, не отводя глаз. Он сделал шаг назад, резко развернулся и пошёл дальше.

— Идём, — бросил он.

Пахом шёл первым. Он помнил церковь в огне. Во время службы язычники забили двери и подожгли. Он сумел выбраться, остальные нет. После этого для него не осталось сомнений — кто его враг.

Путь снова утонул в тишине. Все держались за Пахомом. Дорогу едва освещали холодные, тусклые лучи луны. Ветер был тих. Спустя время он умолк совсем.

Для Рыжего это не первая вылазка. Он знал, как идут ночью, и знал, когда лучше молчать. Лицо помнило старые удары, потому он носил тёмно-рыжую бороду.

Но сегодня тревога не отпускала. Лес был слишком тих. Казалось, он следил за ними и чего-то ждал. Микула чувствовал то же самое. Только ему казалось, что путь уже выбран за них. Лес и всё вокруг молчали так, словно провожали их в последний путь.

— Тебе не кажется странным? — вполголоса спросил Микула. — Сколько мы уже идём по лесу — ни одной твари. Ни волка, ни кабана, ни зайца.

— Лес словно вымер, даже ночные птицы неохотно голоса, — ответил Рыжий. — Раньше эти леса кишели зверями. Я часто охотился в этих местах. Эти леса были густыми и непроходимыми. Незнающий человек быстро бы отправился к Лешему. А сейчас...

— А сейчас этот лес мертв, — подхватил Гнат. — Оставшиеся следы жизни в этих местах, угасают.

— Сила Христа и святой воды очистили эти места от нечисти, — бросил Пахом впереди. — Со временем здесь будет новая жизнь. Чистая и праведная. Только без старых богов.

Спорить никто не стал. Они молча пошли дальше.

Микула родился и вырос при княжеском дворе. Одет он был просто: тёмная шерстяная свита до колен, застёгнутая простой фибулой. Под ней – небеленая льняная рубаша и темные порты, стянутыми ремнями. На кожаном поясе висел нож и мешочек с княжим знаком. На ногах — кожаные поршни, перетянутые ремешками.

Князь послал Микулу в соседнее поместье. За исполнение приказа отвечал он сам — и отвечать должен был перед князем.

— Мы пришли... — почти шёпотом сказал Пахом, подняв ладонь.

Спустя несколько часов пути они вышли к окраине леса. Перед ними тянулось вспаханное поле. За ним — узкий ручей, уходящий на юго-восток. В его тёмной воде дрожал бледный свет заходящего месяца. Вдоль берега темнели хижины, тянувшиеся вдаль.

Пахом остановился на шаг, оценивая поле, как будто мерил расстояние не глазами, а опытом. Низко пригнулся, чтобы линия горизонта не выделяла головы, и жестом велел остальным делать так же.

Слева по бороздам тянулся влажный холод — земля ещё хранила дневное тепло. Из деревни доносился тяжёлый, сладковатый запах дыма: то ли печи, то ли тлеющая зола после вечернего костра.

Рыжий шёл без суеты, но внимательно: взгляд то к воде, то к дальним крышам. Он несколько раз замедлялся, прислушивался и снова двигался, словно считал чужие шаги за них.

Пахом снова поднял ладонь — и все замерли у кромки леса.

— Ты уверен, что это та самая деревня? — спросил Микула шёпотом.

— Без малейших сомнений, — ответил Пахом.

— Рыжий! — кивнул он в сторону реки. — Иди к реке. Потом направо, до поворота. Там должен быть мост. Разведай.

Он перевёл взгляд на Микулу.

— Мы пойдём вдоль леса и будем держаться в тени. Ждём у поворота.

Пахом бросил взгляд назад.

— Гнат, возьми снаряжение Рыжего и идёшь следом за нами.

Он усмехнулся. — Пригляди за нашим... писарем. А то ещё лесные русалки утащат.

— Понял. — глухо сказал Гнат.

— Идём! — скомандовал Пахом.

Месяц угасал и опускался к горизонту на востоке. С реки тянуло влажным воздухом — рыбой и тиной. Утро было слишком ясным, и от этого становилось не по себе, думал Микула, шагая за Пахомом. Слишком всё шло гладко: ни волков, ни кабанов — только мёртвая тишина. Может, так и лучше, пытался он убедить себя.

Пришли, — сказал Пахом. — Сидим и ждём Рыжего. Тихо.

Тишина стала рабочей. Не той, что пугает в лесу, а той, в которой слышно лишнее. Пахом выбрал место так, чтобы их не было видно с поля: чуть ниже кромки, где трава темнее, а кусты ломают силуэт.

Рыжий ушёл вдоль русла, растворившись в сумраке. Остальные остались как в засаде.

Микула сел на землю и откинулся назад, оперевшись на руки. Он смотрел в небо, пытаясь успокоиться, будто видел его в последний раз. Где-то на северо-востоке из-за горизонта тянулись тяжёлые тучи.

Пахом стоял, прислонившись спиной к дереву. Руки скрестил на груди, голову опустил. Он был неподвижен — можно было решить, что спит. Но глаза оставались открыты и смотрели строго в носок сапога.

Гнат возился с вещами быстро и молча. Проверил ремни, перехватил мешочки на поясе, нащупал камень — будто убеждался, что тот на месте. Потом достал факелы и разложил их так, чтобы можно было схватить сразу, не шаря руками. Он даже пару раз провёл пальцем по намотке на верхушке — сухая ли трава, не отсырела ли от ночной сырости.

Где-то далеко, в деревне, скрипнула доска — и звук показался слишком громким. Гнат замер с ремнём в руках, но Пахом не шелохнулся.

Минуты тянулись, как натянутый шнур.

— Нож-то у тебя какой... — нарушил тишину Гнат и кивнул на пояс. — Княжым людям обычно выдают другое железо. Откуда он?

— Ах это... — ответил Микула и накрыл кобуру ладонью. — Отец подарил, когда я пошёл на княжью службу. Сказал: будет тебе оберегом. И надеялся, что я никогда им не воспользуюсь.

— А знаки на кобуре? — не отставал Гнат. В темноте он шурился, пытаясь разобрать резь. — Что там?

— «Береги жизнь».

— Дай глянуть.

— Нет! — Микула ответил резко. — Я никому его не даю. Так велел отец.

Он замолчал. В голове всплыли слова отца: «Не доставай его, пока не придёт нужда защищать себя... или того, кто дорог».

Разговор о ноже оборвался сам собой. Тишина снова сомкнулась вокруг них, как мокрая ткань.

Пахом не пошевелился, но что-то в нём изменилось: дыхание стало чуть реже, плечи — жёстче. Он прислушивался не к деревне, а к лесу за спиной, будто ждал удара оттуда, откуда его не ждут.

Гнат ещё раз сжал ремень на мешочке и отпустил. Микула почувствовал, как холод от земли поднимается по спине, и поймал себя на мысли, что считает удары сердца — слишком громкие для такой тишины.

Где-то внизу, у воды, шорохнула трава. Тихо — почти как будто ветер.

Через несколько секунд у кромки леса отделилась тень. Рыжий вышел из темноты бесшумно, как и уходил: сперва плечо, затем лицо, затем вся фигура. Он уже открыл рот, чтобы предупредить о себе, но Пахом, не оборачиваясь, проговорил:

— Хватит детских игр, Рыжий, — бросил Пахом, не оборачиваясь. Его взгляд всё так же был прикован к носку сапога. — Говори, что видел.

— Ха... — усмехнулся Рыжий. — И как тебе удаётся каждый раз меня замечать? Третий глаз, что ли?

— Говори! — твёрдо сказал Пахом.

Рыжий недовольно покосился на Пахома и заговорил.

— Вдоль реки — никого. Ни до моста, ни после. По берегу тихо, — продолжил Рыжий. — Туман с воды уже тянется, следов свежих много, но чужих — не видел.

Он говорил ровно, как человек, который не спорит с тем, что видит.

— В деревне спят крепко. Печь у пары хат ещё дышит — дымок тянет низко, к воде. Собаки есть, но не лают: то ли их кормят хорошо, то ли им не до нас.

Рыжий кивнул в сторону моста.

— На мосту стражник один — возле тотема Перуна. Стоит так, будто сам себя сторожит. Шапку на глаза надвинул, плечи расслаблены. Если и слушает — только реку.

Он перевёл взгляд чуть правее.

— Второй у конюшни. Там теплее, и он это место любит: то к стене прислонится, то шагнёт к дверям, будто проверяет, не вышел ли кто. Но глупостей не ждёт.

Рыжий сделал короткую паузу.

— Шума нет. Взять можно тихо.

— Отлично, – подтвердил Пахом. — Микула, напомни: что приказал князь?

— Приказ князя: сжечь главную избу в Черноборье. Старейшину — вместе с ней. За отказ принять Бога. — Зачитал Микула. — И ещё... до рассвета придёт ярость Перуна. С запада.

Все невольно подняли глаза на запад.

— Во имя Бога! Если не поторопимся — всё пропало! — вспыхнул Гнат.

Пахом оттолкнулся от дерева.

— Тогда выдвигаемся!

Все молча кивнули, и свернули в лес — напрямик.

Гнат преобразился на глазах. В нём вспыхнула решимость. Ещё минуту назад он боялся, а теперь в нём словно щёлкнуло: страх исчез. Выйдя из тени, он чуть ли не первым рванул вперёд.

— Стойте, – остановил всех Рыжий. — Мост видите?

Он кивнул левее:

— Чуть ближе к нам — овраг. Перед атакой укроемся там.

— Отлично, – подтвердил Пахом. — Делаем так. Я с Рыжим – к оврагу. Снимем стражу: сначала на мосту, потом у конюшни. Как закончим, Гнат подойдёт к нам. Мы уйдём в тень у конюшни и решим дальше.

Он бросил взгляд на Микулу:

— А наш писарь пусть смотрит отсюда. Или держится за Гнатом. Вопросы?

Последовала короткая пауза.

— Вопросов нет. Тогда двигаемся, — сказал Пахом.

Они двинулись не по прямой. Рыжий повёл по низине, там, где борозды глубже и шаг можно поставить мягче. Земля под ногами была влажной — не грязь, но тяжёлая, липкая, будто держит подошву.

Пахом шёл рядом, не оглядываясь, но всё время держал мост боковым зрением. Он выбирал момент, когда стражник отворачивался или замирал, и тогда делал несколько быстрых шагов, будто мерил поле короткими рывками.

Овраг оказался не ямой, а старой промоиной — край осыпался, и внизу чернела влажная трава. Оттуда их силуэты почти исчезали: сверху видно поле, но не видно людей.

Микула и Гнат остались наблюдать у кромки леса. Оттуда мост казался тонкой полосой дерева над водой. Даже без ветра доски иногда поскрипывали — то ли от холода, то ли от натянутых канатов, то ли просто от старости.

Стражник на мосту стоял, как и сказал Рыжий: лицом к востоку, шапка на глазах. Он временами переносил вес с ноги на ногу, и тогда на мосту появлялось короткое, глухое поскрипывание — будто дерево вздыхало.

Пахом и Рыжий уже почти достигли оврага... И вдруг — долгий свист.

Они рухнули в траву одновременно, будто их дёрнули за нитку. Пахом не пополз сразу: сперва замер, прижавшись щекой к холодной земле, и поднял ладонь — короткий знак: не двигаться.

Гнат рядом с Микулой тоже присел, инстинктивно закрываясь тенью кустов. Его пальцы сами нашли ремень и сжали его так, что кожа скрипнула.

На мосту стражник не обернулся сразу. Он лишь напряг плечи и перестал переминаясь, прислушиваясь, как зверь. Микула увидел, как тот чуть поднимает подбородок, будто пытается уловить продолжение звука.

Пахом медленно повернул голову в сторону Рыжего и едва заметно качнул её — ждём. Потом, не поднимая корпуса, сделал два коротких движения пальцами: к оврагу.

Рыжий ответил так же коротко — движением, которое увидишь только если смотришь туда, куда нужно.

Тишина снова натянулась. И стало понятно: следующий звук решит всё.

Снова свист — короче.

Стражник на мосту вздрогнул. Шапка съехала с головы и плюхнулась в воду.

— Бестолочь! — рявкнул стражник у моста и полез за шапкой. — Надоело лошадиное дерьмо нюхать, придурок? Свистишь тут...

— О, гляжу, служба у тебя идёт, — огрызнулся второй, подходя ближе. — Стоишь, дрыхнешь — всё стадо уйдёт, и не заметишь.

— Хватит орать, сейчас Лютый выйдет — и нам обоим не поздоровится.

После этого они понизили голоса; слова стали едва различимы. Пахом и Рыжий осторожно выглянули из укрытия и замерли, наблюдая.

Второй стражник медленно пошёл к мосту, к первому.

— Перед смертью не наговоришься, — пробормотал Пахом. — Расходитесь уже...

Второй стражник ещё немного постоял, потом развернулся и пошёл к конюшне. Пахом и Рыжий выждали, пока он отойдёт подальше. Молча вынули ножи.

Стражник отходил не спеша, лениво, будто и правда был уверен, что ночью ничего не случится. Он пару раз обернулся через плечо — не на мост, а на тёмные крыши деревни, словно боялся не чужих, а того, что из дому выйдет кто-то старший и увидит его болтовню.

Стражник у моста опять наклонился к воде — видно было по тому, как он чуть опустил плечи. В этот миг мост скрипнул один раз, глухо.

Пахом поднял два пальца — сейчас. И рука сразу исчезла в траве, будто её и не было.

Они сорвались с места почти одновременно. Не бег — короткий, пружинящий рывок, когда ноги ставишь мягко, на носок, и всё равно боишься, что земля выдаст.

У моста Пахом сбавил шаг первым. Доски были старые, подсохшие по краям, и на них нельзя было ступать как на землю: дерево не глотает звук — оно отдаёт его обратно.

Рыжий пошёл правее, ближе к перилам, где доски крепче. Пахом — ближе к середине, туда, где тень от перил ложилась темнее.

Один скрип всё равно вырвался — короткий, как вздох.

Стражник насторожился и начал оборачиваться.

— Что за...

Пахом уже был рядом. Договорить он не успел: нож вошёл в горло.

Рыжий метнулся ко второму, не оглядываясь. На досках он ступил легче, чем Пахом, и мост почти не ответил ему звуком.

У конюшни пахло тёплым сеном и мокрой шерстью. Изнутри донёсся сонный всхрап — лошади чуяли ветер и тревожно переступали в стойлах. Стражник у входа стоял вполоборота, прислонившись к стене, и что-то бормотал себе под нос — то ли ругался, то ли зевал.

Рыжий подкрался со стороны, где свет месяца не доставал. Его тень скользнула по доскам — и исчезла.

Стражник почувствовал движение слишком поздно — нож вошёл под рёбра, в сердце.

На мгновение стало слышно только, как внутри конюшни кто-то царапает копытом дерево.

Пахом подошёл к конюшне уже спокойным шагом, будто всё шло ровно так, как он и ждал. Он не посмотрел на лица убитых — лишь проверил, не дёргаются ли руки, и коротко кивнул Рыжему.

— В тень, — шепнул он.

Они работали быстро и тихо. Сначала оттащили стражника от моста: не волоком по доскам — так, чтобы дерево не скрипело и не оставляло мокрых следов. Пахом подхватил под плечи, Рыжий — за ноги. Тело было тяжёлое, как мешок с зерном, и от этого становилось особенно мерзко: человек, который минуту назад ругался и зевал, теперь был просто грузом.

— Пора, — пробормотал Гнат так, чтобы Микула услышал.

Микула заметил над рекой лёгкий туман. Белая пелена стелилась по полям. Становилось прохладнее; утро уже занималось. Запах менялся: речная сырость уходила, уступая росе.

Когда Микула и Гнат добежали до конюшни, свежий утренний запах разметало ветром, потянувшим с запада вместе с тяжёлыми тучами. На горизонте уже вспыхивала зарница. Деревня всё ещё спала.

Пахом и Рыжий уже оттащили тела за конюшню и спрятались в тени. Ветер усиливался, тучи всё плотнее затягивали небо.

— Значит, всё-таки решил почтить нас своим присутствием, — заметил Рыжий.

— А как же, — ответил Микула. — Я должен убедиться, что сторит именно та изба.

Гнат раздал всем факелы. Сделаны они были на совесть: сосновая палка длиной в метр, а на верх намотана сухая трава, пропитанная дёгтем. Кремень лежал у него в ладони привычно, как будто он держал его не первый год. Гнат присел, прикрыл огниво корпусом от ветра и высек искру — раз, другой. На третьей искра зацепилась за сухую траву, и она тихо вспыхнула, без треска, как горячий вздох — огонь пошёл по кругу.

Микула факел не взял. Он остался наблюдать.

— Погодите, — остановил их Микула. — Вы знаете где стоит изба старейшины?

— Знаю, — ответил Гнат. — Вон та изба с верхними клетями.

Дом старейшины выделялся сразу — не высотой даже, а тем, как он стоял. Чуть в стороне от остальных хат, ближе к воде, чтобы было слышно русло. Крыша у него была шире, а стены темнели ровнее — дерево старое, прожжённое временем и дымом.

Рядом угадывался двор: плетень, навес, куча дров под брезентом или дерном, и тёмная громада амбара — всё это делало подход неудобным. Там легко споткнуться, зацепить что-то, поднять шум.

Микула прищурился, пытаясь различить детали. В полумраке дом казался не просто избой — скорее местом, где люди собираются и решают. Окна тёмные, но одно на миг шевельнулось отражением — будто внутри кто-то прошёл с огнём или просто сдвинулась занавесь.

Пахом смотрел туда же, но его взгляд был другим: не оценка, а приговор. Он уже выбирал не дверь, а то, что должно загореться первым.

— Не проще было подобраться к ней и там уже зажечь факелы?

— Можно, — подхватил Пахом. — Только зачем жечь одного язычника, если можно сжечь всех.

На секунду никто не двинулся. Огонь на факелах качнулся от ветра и вытянулся в одну сторону, будто его тоже тянуло туда, к домам.

Рыжий усмехнулся не так, как раньше — без шутки. Это была короткая, сухая улыбка человека, который уже сделал выбор и не собирается объясняться.

Гнат сжал факел крепче. На костяшках проступила белизна, и в этом движении было что-то жадное: он будто хотел, чтобы пламя горело сильнее.

Пахом стоял рядом, и его лицо в свете огня стало резче — тень под скулами, чёрные провалы глазниц. Он не повышал голос и не спешил. Сказанное им прозвучало как простая вещь, о которой уже всё решено.

Где-то в конюшне лошадь снова всхрапнула, и звук показался чужим — как предупреждение.

У Микулы на миг остановилось время. Злобные улыбки и тихий, злорадный смешок пробрали до кожи. Их словно подменили — это уже были не те люди, с которыми он шёл через лес. В их лицах проступило что-то голодное, звериное и нечеловеческое.

Микула приподнялся и шагнул вперёд, почти автоматически — как человек, который привык, что приказ можно уточнить. Он поднял ладонь, повторяя жест Пахома, но у него это вышло иначе: не команда, а просьба.

— Погодите...

Пахом даже не повернул головы. Рыжий смотрел на деревню, будто уже видел, как огонь бежит по крышам.

Микула протянул руку к ближайшему факелу — не чтобы отнять, а чтобы задержать. Пламя обожгло пальцы через воздух, и он отдернул руку.

— Стоп, этого не было в княжеском приказе, — выдохнул Микула, пытаясь их остановить. Но его не слушали.

Он не успел договорить.

Удар пришёлся в затылок глухо, будто по мокрому дереву. Мир качнулся и поплыл. Микула инстинктивно попытался ухватиться за воздух — пальцы встретили пустоту.

Он рухнул на землю боком. В лицо ударила холодная трава, влажная, с запахом глины. Где-то рядом хлопнул факел: огонь взвился и осыпал искрами чёрную землю.

Сквозь звон в ушах он услышал короткий выдох — не слова, не крик, просто чужое дыхание.

И тогда, в долю секунды перед тем, как сознание погасло, он увидел лицо Пахома в свете факела и в вспышке зарницы. Глаза Пахома вспыхнули неестественным, кровавым цветом.

Грохнул первый раскат — не рядом, далеко, но так, что дрогнула земля под щекой. Ветер принёс запах дождя, и где-то над полем вспыхнула новая зарница, на миг вырезав чёрные крыши деревни.

Потом всё провалилось в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.